

УДК: 821.161.1

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ РЕЙНА

Левицкая Нелли Евгеньевна,

*к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: nellya7@mail.ru*

В статье предпринята попытка поэтикального анализа поэзии Е. Рейна второй половины XX века. В качестве предмета исследования избран метапейзажный дискурс лирики, категория картины мира автора использована в концептуальном и функциональном аспекте как методологический аппарат исследования. Рассмотрена пространственная сфера поэзии, в ее пределах выявлен синтез природных и культурологических номинаций. Определен культурологический характер метапейзажного дискурса поэзии Е. Рейна.

Ключевые слова: поэзия, лирика, картина мира, метапейзажный дискурс, пространственная сфера, синтез природных и культурологических номинаций.

Поэзия Евгения Рейна стала доступна широкой публике неоправданно поздно, первая книга «Имена мостов» увидела свет лишь в 1984 году, когда поэт не только сформировался как творческая индивидуальность, но и признавался наставником именитых современников. Литературоведческая же рецепция его художественного наследия лишь начинает складываться. В данной работе материалом исследования стала книга «Избранные стихотворения и поэмы» [13], изданная в 2001 году. Выбор анализируемых текстов обусловлен интересом к поэтическому процессу русской литературы двух последних десятилетий XX века. Книга «Избранного» Е. Рейна в силу своей жанровой природы подводит определенный итог почти полувекового творческого пути автора и выявляет определенные тенденции развития русской лирики конца столетия, одной из которых является концептуальность и функциональность пейзажного дискурса [10].

Следовательно, объектом изучения в работе избран пейзажный дискурс представляющий собой, по определению И. В. Остапенко, коммуникативное событие, в котором реализуется диалог человека и природы в художественном тексте [10, 7]. Но поскольку мир лирического субъекта Е. Рейна очерчен не столько собственно природными параметрами, сколько культурологическими, в частности, урбанистическими, продуктивным представляется применение категории, расширяющей понятие пейзажного дискурса – метапейзажного дискурса, обо-

снованной Н. М. Мирошниченко, как «диалога человека (эмоциональный, ментальный, духовный аспекты) с миром в его универсальном смысле», сформированном из номинаций природных, метафизических и культурологических реалий [9, 18]. Пейзажный дискурс, в трактовке И. В. Остапенко, включает «оригинальные пейзажные образы, фрагменты целостных пейзажных образов и пейзажные сюжеты» [10, 63] и презентует картину мира автора.

Категорию картины мира как «мира в представлении человека-субъекта» используем в работе в качестве методологического инструментария, поскольку парадигма картины мира позволяет осуществить целостный и системный анализ на всех уровнях текста – субъектном, хронопном, образном, сюжетном, и выявить особые лирические (синкретические) отношения авторского сознания с его художественным миром. Все элементы картины мира взаимосвязаны и взаимообусловлены, «соединяющим и определяющим аспектом картины мира является лирический субъект» [10, 97]. Особенность лирического субъекта Е. Рейна как организующего центра картины мира автора, что отмечено в нашем предыдущем исследовании, состоит в превалировании субъектной формы «я-другой», выраженной перволичным местоимением [7, 160]. Как представляется, перволичная субъектная форма в функции «я-другого» в поэзии Е. Рейна презентует функционирование лиро-эпических отношений, синтезирующих «переживание и повествование», обусловливающих элегический модус завершения эстетического объекта – самореализацию личности через самоидентификацию. В. И. Тюпа полагает, что для выявления характера модуса художественности эстетического объекта необходимо исследование внутренних и внешних границ двух его полюсов: лирического субъекта и его художественного мира. В контексте данного исследования внешние границы эстетического субъекта презентует метапейзажный дискурс, эксплицирующий картину мира автора. Цель данной работы состоит в выявлении особенностей пространственной сферы пейзажного дискурса в парадигме картины мира Е. Рейна.

Корреляция поэзии Е. Рейна с пейзажным дискурсом весьма своеобразна. Обратим внимание на то, что автор вводит номинацию «пейзаж» в тексты стихотворений, она встречается в анализируемом сборнике шесть раз, что само по себе вызывает интерес, поскольку поэты, как правило, создают «пейзажи», а не номинируют их. Кроме того, семантика образа «пейзажа» у Е. Рейна отличается чаще отстраненно-пренебрежительными и даже откровенно отрицательными коннотациями: «Я знаю, вы все смеетесь тайком, закатывая глаза: мол, дурень вернулся в пейзаж времен, где он проиграл туза» [13, 187]; «надо злобно глядеть в неприметный и жалкий пейзаж» [13, 304]; «он выбрал себе наркотик – пейзаж, что в окне напротив» [13, 325]; «Боже, какая гримаса в этом пейзаже речном!» [13, 353]. Но за такой нарочитой абстра-

гированностью – глубинная, возможно, подсознательная тяга к тому, что традиционно называют пейзажем, к миру природы, субстанционально близкому человеку: «Кроме этого пейзажа, что любить нам горячо?» [13, 40]; «Что мне в этом пейзаже у державинской двери?» [13, 296].

Для Е. Рейна природа в ее традиционном смысле – как физическая реальность, не сотворенная человеком, в узком смысле – «естественная среда обитания», не могла быть абсолютно органичной, поскольку его «среда обитания» – урбанизированный мир. К тому же, в подчеркнутой «пейзажной» отстраненности, возможно, заложена намеренная дистанцированность автора от одного из векторов современной ему русской поэзии 1960–1970-х годов – «тихой лирики», интенсивно разрабатывавшей «пейзажную» тему. Как видим, амбивалентная коннотация уже сама по себе акцентирует образ «пейзажа» у Е. Рейна, кроме того, собственно пейзажная проблематика в его стихах отмечена многими критиками, притом все они, практически, едины в определении типа рейновского пейзажа как урбанистического, начиная с И. Бродского. Е. Изварина акцентирует урбанистичность языка и архитектоники стиха, «всегда плотно “заселенного” смыслово и фонетически», сознания и мышления поэта. «Лирический герой Рейна, – по ее мнению, – горожанин в своей среде и своей стихии, город для него – вне красот и драматургической насыщенности – уже поэзия, то есть – спасение, прощение, сама жизнь» [2]. И. Прусакова полагает, что если традиционно «поэт находил поэзию в траве», «то городской житель Рейн, дитя кирпичных брандмауэров и душных коммуналок, легко отыскивает сияющие искры среди булыжников и асфальта» [11]. Критик обращает внимание на обилие «топографических деталей» в поэзии Е. Рейна, «заселенность его стихов вещами». «Насыщенная топонимика» поэзии автора, по И. Шайтанову, обнаруживает тесную связь стиха с «традиционной осью русской культуры, пролегающей между Москвой и Петербургом». В. Козлов, акцентируя корреляцию «зримости» пейзажа и «сферы невыразимого словом», обнаруживает в пейзаже Е. Рейна «самоценную импрессионистичность».

Не вступая в полемику с И. Бродским, назвавшим Е. Рейна «элегическим урбанистом», что во многом определило последующие критические оценки творчества автора, все же обратим внимание на такие фрагменты его поэзии: «И желтое небо заката / тревожно, и так же почти / неясным волненьем объята / душа на обратном пути» [13, 405]; «Ночь уходит по серому серым, / погружаясь на лунное дно» [13, 308]; «А небо в лучшем неглиже – / такая облачная тонкость» [13, 302]. Видимо, генетическая память автора хранит субстанциальную связь с миром «несотворенной» природы, а талант поэта позволяет сопрягать разноприродные миры в едином пространстве текста. Исследуя художественный мир Е. Рейна, обратим внимание на корреляцию собствен-

но природного и культурного пластов в его пространственно-временном континууме, формирующем метапейзажный дискурс поэзии автора.

Интересными в этом смысле представляется стратегии авторского сознания относительно заголовков разделов сборника «Избранного», преимущественно повторяющих названия ранее публиковавшихся книг стихов: «Береговая полоса», «Имена мостов», «Набережная», «Темнота зеркал», «Сапожок», «Ранне», «Остальное». Как видим, пять из них сформированы из номинаций физических пространственных маркеров, при этом в первых четырех актуализирована семантика границы, разделяющая, но и соединяющая пространственные сферы; последние два – составляют оппозицию с временной семантикой; «Сапожок» как хронотопный образ подчеркивает континуальность пространства-времени в художественном мире Е. Рейна. Таким образом, заголовочный комплекс задает одну из особенностей пространственно-временной сферы – интенцию единства, преодоления разделенности. Рассмотрим ее реализацию на текстовом уровне.

Согласимся частично с приведенными мнениями критиков относительно урбанизма Е. Рейна на уровне и языка, и архитектоники, и сознания. Действительно, номинации городских реалий встречаются почти в каждом тексте, при этом интерес вызывает их функционирование. В пользу урбанистичности поэзии автора свидетельствует огромное количество собственных наименований городских объектов. В русской поэзии второй половины XX века Е. Рейн, вероятно, в этом смысле занимает лидирующее положение, притом практически все номинации включены в биографический контекст авторского сознания. Автор вводит в текст административно-территориальные и географические названия мест, которые маркируют его собственное физическое пространство, притом, оно не ограничивается лишь «Москвой и Петербургом»: «бульвар Кропоткина», «Васильевский остров», «улица Желябова», «Обводный канал», «Московский вокзал», «мост Лейтенанта Шмидта», «Никольский собор», «Крестовский проспект» «Воронцовский дворец», площадь «Сан-Марко», «Пьяцетта», «Тоскана» и мн. др. Такая пристрастность к поименованию топосных объектов может свидетельствовать об авторской потребности в собственном пространстве, ведь известно, что называние по имени не только сближает адресанта и адресата, но и антропоморфизирует неодушевленные объекты.

Кроме того, в пространственную парадигму Е. Рейна попадают нарицательные номинации городского и промышленного топоса: «дома», «фонари», «бульварная скамья», «фонтан», «парк», «сквер», «метро», «подземный переход», «пароходик», «краны, речные трамваи, / парусники, сухогрузы, моторки» и др., очерчивающие «среду обитания» лирического субъекта, которая также коррелирует с биографическим контекстом авторского сознания. Но утверждать, что урбанистические номинации преобладают, было бы преувеличением.

Наряду с ними в пространственную сферу входят наименования стран и местностей: «Рим», «Эстония», «Таллин», «Англия», «Сочи», «Кавказ», «Крым», «Милан», «Венеция», «кокетбельские пляжи» и т. д.; водных пространств: «море», «река», «залив», «бухта», «озеро» и др.; ландшафтные номинации: «равнина», «пустыня», «поле», «горы» и др.; номинации растительного мира: «лавры», «акации», «розы», «лес», «сосны» и др.; названия животных, которые, правда, встречаются изредка: «ворон», «птицы», «собака», «какаду», «рыбки»; наименование атмосферных явлений: «снег», «дождь», «мороз» и т. д. Более того, на фоне декларируемого урбанизма четче проступают природные кумулятивные – «Посреди медуницы и мака / и в краю голубого вьюнка» [13, 439] – и описательные конструкции – «Смеркается среди глухих, / пустых окраин» [13, 337]; «И вдруг проступил закат, и кончился темный дождь, и край небес свысока явил багровую мощь» [13, 336]; метафорические формулы – «Невка мелкою волной / молчит под утро» [13, 337]; синтетические тропеические образы – «Над заливом на сером, лиловом и клюквенном / проступает лишь серпика узкий ущерб» [13, 354]; развернутые олицетворения, переводящие пространственную номинацию в субъектную сферу – «безумный дождь / все шелестел, что хвощ, // рисовал разрез /всех сорока небес. / То, расплывчато-ал, / переполнял бокал, / то, сиренево-хмур, / раскачивал абажур»; экзистенциальные экскурсы – «И летает, летает желтеющий лист. / И я поднимаю лицо за листом, / он медлит, летя перед самым лицом. / Воздушный гимнаст на трапедии сна, / о, как мне ужасна твоя желтизна. / Посмертный, последний, оберточный цвет» [13, 416]. То есть, утверждать, что поэзия Е. Рейна абсолютно урбанистична, как видим, не представляется возможным.

Другое дело, как соотносятся природные и урбанистические реалии в художественном мире автора. В атрибутивном смысле природные образы чаще объективно-реалистичны: «широкая река», «пыльная трава», «желтый лист», иногда метафорично-оценочны: «чешет дождь», «бледный залив», изредка, эмоционально-оценочны – «новогодний снежок», «узенькая речка», хотя такие случаи единичны. Урбанистические же образы зачастую наполнены негативно-оценочной семантикой: «в чужом необитаемом селе, / в огромных тошнотворных городах» [13, 237] «в шашлычной за грязным столом» [13, 267], «многоэтажный / дом презрения, кражи и лжи» [13, 297]. Но при этом негативные коннотации не мешают лирическому субъекту, при всем его натурализме, обличенном в метафорические ризы, проявлять своеобразную нежность к городскому миру, потому что этот мир – «свой», и принимает он его во всяком виде: «Пахнет кофе, копченой рыбой, / гальянами и просто пивом, / а в кофейнях пахнет «Элитой», / в Кадриорге пахнет отливом, / белой ночью болеют окна, / истекая розовым гноем, / и флюгарка взывает тонко / к милым братьям за мелким мо-

рем» [13, 299], проникается к нему любовью и нежностью: «Там сладкого дыма колечки, буфеты, каюты, звонки» [13, 263], «мой неотвратимый серый город» [13, 327].

Отличительной особенностью «своего» пространства в рейновских текстах является поразительная способность автора органично сопологать в нем разноприродные объекты: «Залив с Кронштадтом на боку» [13, 251], «Гудит осина в поле / и лесопилка в Белом Городке» [13, 301], «По железу ранним утром / в темном блеске чешет дождь» [13, 327], – так, что эта особенность становится онтологическим кредо лирического субъекта: «Один прямоугольник слепая жизнь моя – два твердых побережья и черных два моста» [13, 265].

Подобный синтез номинаций естественного и рукотворного в художественном мире Е. Рейна стал возможным, как представляется, благодаря глубинному, возможно, подсознательному свойству человеческой сущности в целом – субстанциональному родству с природой. Генетическая память хранит модель мироустройства, по которому выстроен Универсум, поэт использует ее для конструирования собственного художественного мира из различных, не только собственно природных материалов, на атрибутивном уровне: «Медовая московская сирень, / лиловое густое сновиденье / мотались на углах» [13, 367]; на синтаксическом: «И ветер продувал / Тверскую и не мог уgomониться. / Он нес пустые пачки “Мальборо”, / сиреневые гроздья, чьи-то письма...» [13, 367]; на семантическом: «Цвели обои в комнатах и делались белей, / особенно на контурах пропавших мебели. <...> Там был букет, обмокнутый в большой цветастый газ» [13, 419]; на символическом: «В этот купол родной и знакомый, / где закат на заневских мостах, / я продену в петлицу законный / мой цветок — это роза и страх» [13, 309].

Кроме названий природных и городских реалий (и урбанистических, в частности) пространственную парадигму лирики Е. Рейна формируют и другие номинации, притом их комбинации могут быть совершенно непредсказуемыми: природных и мифологических реалий («в этот час сверкает залив, и заката Лаокоон стянут тучами вкось и вкривь»); метафизических и астрономических («огонь небесный вдруг произойдет – метеорит, ракета, астероид»); метафизических и природных («неумный дождь над заливом, / бьет с небес по лаврам, акациям, розам»); историко-культурных и литературных («За Никольский собор загляну я украдкой, / там студент прикрепляет топор за подкладкой»); городских, бытовых и исторических («Вот и Крюков канал, и дворы на Фонтанке, / где когда-то гонял я консервные банки, / что мячи заменили нам в году сорок пятом...»); историко-литературных, мифологических и метафизических («поглядим на прощанье на Мойку, за Лету, / за толпу серафимов, Магомета и Будду»); природных, бытовых и бытийных («А тут снега идут – сугроб до неба. / А наметет еще – дойдет до Бога. / И жизнь тиха – от кабинета / вся умещается – и до порога»).

Таким образом, обилие номинаций реалий, выходящих за пределы пейзажного дискурса, но в то же время маркирующих внешние границы эстетического объекта, проявленные пространственной парадигмой картины мира, позволяет применить понятие метапейзажного дискурса. Проанализированный материал выявил функционирование метапейзажного дискурса на уровне маркирования пространственных координат лирического субъекта и на образном уровне. Рассмотрим, какую роль играет пространственная сфера на сюжетном уровне на примере стихотворения «Я вышел на канал» [13, 342–343].

Субъектная сфера текста организована перволичным лирическим субъектом, кроме него в нее входит «другой» – «ты», находящийся непосредственных коммуникативных отношениях с перволичным субъектом, а также «другие», с которыми коммуникация не эксплицирована – «Джоконда», «одни такие блонды», «няня», «Пруст» и «Верлен». «Леонардо», скорее всего, и является тем «другим» – «ты», в диалоге с которым и происходит процесс самоидентификации лирического субъекта. Субъектная форма «я-другой» – «Талалихин» – нескрываемая маска перволичного субъекта. Каждая из субъектных форм имеет отдельное концептуальное значение для перволичного субъекта, у каждой своя пространственная сфера. В тексте заданы три проблемы – нравственная, творческая, бытийная, эксплицированные тремя женскими субъектными формами. Решаются они через актуализацию пространственных параметров субъектных форм, которые в целом формируют пространственную сферу перволичного лирического субъекта. «Джоконда» как воплощение высокой нравственности и творческих интенций и соотносима с «Амстердамом», имеющим славу культурного центра и наиболее свободного в моральном плане города Европы. В оппозиции к «Джоконде» – «блонды», находящиеся «налево за стеклом». Лирический субъект не дает оценки женским субъектным формам, но и не делает между ними выбора. Нравственная и творческая проблемы решаются введением образа «няни» и ее пространства – «погоста» «в смоленской деревеньке», которое принимает как «свое» и перволичный субъект. Но смерть «последнего Талалихина» – «я живо убит» – от «Летейской струи» и «последний пир / у аравийской бездны» не гармонизируют лирического субъекта. Судьба («знаки Зодиака») через семантику полета, общую для летчика и поэта, заставляет лирического субъекта вернуться в мир творчества. И хотя пример «Пруста» и «Верлена» уже не вдохновляет, «ухмылка Леонардо» его не отпускает, возвращает на «канал Амстердама» для дальнейших попыток разгадывания тайны творчества. Как видим, пространственные характеристики текста выполняют в данном случае сюжетобразующую функцию.

Таким образом, анализ пространственной сферы в поэзии Е. Рейна позволяет сделать вывод о том, что картины мира автора эксплици-

рована метапейзажным дискурсом. Пространственные номинации выступают в роли маркеров природных, урбанистических и метафизических реалий; отдельных фрагментов самостоятельных художественных образов, могут выполнять сюжетообразующую функцию. Особенностью пространственной сферы Е. Рейна является соположение в одном художественном образе разноприродных номинаций в различных комбинациях – природных и культурологических. Полагаем, что именно культурологичность является отличительной чертой пространственной парадигмы картины мира Е. Рейна.

Список использованных источников

1. Бродский И.А. Трагический элегик // Рейн Е.Б. Избранное. М.–Париж–Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 5–13. Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/001.html> (дата обращения 10.02.2015).
2. Изварина Е.В. Наука убеждать. Сентиментальные хроники Евгения Рейна. Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/007.html> (дата обращения 12.02.2015).
3. Кенжеев Б.Ш. (Алексей Татаринov). Одышливая гармония. // Континент, 1986, ноябрь. Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/013.html> (дата обращения 11.02.2015).
4. Козлов В.И. Спасительный символизм Евгения Рейна. Режим доступа: <http://prosodia.ru/?p=517> (дата обращения 10.02.2015).
5. Куллэ В.А. Прошедшее продолженное время. Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/008.html> (дата обращения 14.02.2015).
6. Кушнер А.С. «Черная музыка и морская свинка...». Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/004.html> (дата обращения 13.02.2015).
7. Левицкая Н.Е. Элегический модус поэзии Евгения Рейна // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. 226 с.
8. Межиров А.П «...Кровь и воды Леты...». Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/003.html> (дата обращения 09.02.2015).
9. Мирошниченко Н.М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М.Волошина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2015. 20 с.
10. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. 432 с.
11. Прусакова И.И. «Блажен незлобивый поэт...». Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/011.html> (дата обращения 12.02.2015).
12. Пурин А.А. Предсказание избранности. Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/009.html> (дата обращения 10.02.2015).
13. Рейн Е.Б. Избранные стихотворения и поэмы / Сост. при участии В. Ладыгина. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 702 с.

14. Теория литературы. В 2 т. Т. 1. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

15. Шайтанов И. Формула лирики. Элегичен ли Евгений Рейн? // Дело вкуса. Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. С.491–504.

16. Эткинд Е.Г. «Я выросал в забавнейшее время...». Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/012.html> (дата обращения 13.02.2015).

THE SPATIAL PARAMETERS PICTURE OF THE WORLD YEVGENY REIN

Levitskaya Nelli Yevgenyevna,

*Ph.D., Associate Professor
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: nellya7@mail.ru*

The article attempts to analyze poetry poetikalnogo Ye. Reyn second half of the twentieth century. As a subject of study chosen metapeyzazhny discourse lyrics, category picture of the world the author used in the conceptual and functional aspects as a methodological research apparatus. The spatial scope of poetry within it revealed the synthesis of natural and cultural nominations. Defined cultural character metapeyzazhno discourse poetry Ye. Reyna.

Keywords: *poetry, lyrics, world, metapeyzazhny discourse, spatial scope, the synthesis of natural and cultural nominations.*

References

1. Brodskiy I.A. Tragicheskiy elegik [Tragic elegist] // Reyn Ye.B. Izbrannoe [Reyn Ye.B. Collected Works]. Moscow–Paris–New-York: Tretya volna Publ., 1993. Pp. 5–13. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/001.html>, accessed 10.02.2015.

2. Izvarina Ye.V. Nauka ubezhdat. Sentimentalnye hroniki Yevgeniya Reyna [Science of persuasion. Sentimental chronicle by Yevgeny Reyn]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/007.html>, accessed 12.02.2015.

3. KENZHEEV B.Sh. (Aleksey Tatarinov). Odyshlivaya garmoniya [Harmony had a breathing problem]. // Kontinent, 1986. November's vol. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/013.html>, accessed 11.02.2015.

4. Kozlov V.I. Spasitelnyi simvolizm Yevgeniya Reyna [The Saving symbolism by Yevgeny Reyn]. Available at: <http://prosodia.ru/?p=517>, accessed 10.02.2015.

5. Kulle V.A. Proshedshee prodolzhennoe vremya [Past continuous tense]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/008.html>, accessed 14.02.2015.

6. Kushner A.S. “Chernaya muzyka i morskaya svinka...” [“Black music and Guinea pig...”]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/004.html>, accessed 13.02.2015.

7. Levitskaya N.Ye. Elegicheskiy modus poezii Yevgeniya Reyna [The elegiac mode in the poetry of Yevgeny Reyn] // Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya

rezultatov issledovaniy [The new word in science and practice: hypotheses and approbation of results of research] / Ed. S.S. Chernov. Novosibirsk: CRNS Publ., 2015. 226 p.

8. Mezhirov A.P. "...Krov i vody Lety..." ["...Blood and water of Leta..."]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/003.html>, accessed 09.02.2015.

9. Miroshnichenko N.M. Evolyuciya avtorskogo soznaniya v ranney lirike M.Voloshina [The evolution of the author's consciousness in early lyrical poetry by M. Voloshin]. Author. dis. ... doctor of Philology sciences. Simferopol. 2015. 20 p.

10. Ostapenko I.V. Priroda v russkoy lirike 1960–1980-h godov: ot peyzazha k kartine mira [Nature in the Russian lyric poetry of the 1960-1980s years: from landscape to the painting of the world]. Simferopol: ARIAL Publ., 2012. 432 p.

11. Prusakova I.I. "Blazhen nezlobiviy poet..." ["Blessed is the gentle poet..."]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/011.html>, accessed 12.02.2015.

12. Purin A.A. Predskazanie izbrannosti [Prediction of entitlement]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/009.html>, accessed 10.02.2015.

13. Reyn Ye.B. Izbrannye stihotvoreniya i poemyy [Reyn Ye.B. Collected Works]. / Ed. V. Ladygina. Moscow–St. Petersburg: Letniy sad Publ., 2001. 702 p.

14. Teoriya literatury. V dvuh tomah [Theory of literature. In 2 volumes]. / Ed. N.D. Tamarchenko. Moscow, Publishing center "Academy", 2004. Vol. 1. 512 p.

15. Shaytanov I. Formula liriki. Elegichen li Yevgeny Reyn? [Formula of lyrics. Whether melancholic Yevgeny Reyn?] // Delo vkusa. Kniga o sovremennoy poezii [A matter of taste. The book is about modern poetry]. Moscow, Vremya Publ., 2007. Pp.491–504.

16. Etkind Ye.G. "Ya vyrastal v zabavneyshee vremya..." ["I grew up in the funniest of the time..."]. Available at: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/012.html>, accessed 13.02.2015.